

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-7440-2026-3-18-25

Дата принятия рукописи в печать: 03.09.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор, декан факультета
профессиональной переподготовки Московского института
профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Конституционное правосудие занимает особое место в системе судебной власти Российской Федерации. Его нельзя сводить ни к обычному разрешению юридического спора, ни к абстрактному толкованию конституционного текста, ни к политическому арбитражу между ветвями власти. В российской модели конституционное правосудие представляет собой самостоятельную форму осуществления судебной власти, имеющую специальный предмет, особую процедуру, ограниченный круг участников и специфический результат - выявление конституционно-правового смысла нормы, проверку ее соответствия Конституции Российской Федерации либо разрешение иного вопроса, прямо отнесенного к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционное правосудие, судебная власть, судебная система, конституция, судопроизводство, конституционная реформа 2020 г., Конституционный Суд Российской Федерации.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining
of the Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),»
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

CONCEPT AND PRINCIPLES OF CONSTITUTIONAL JUSTICE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. Constitutional justice occupies a special place in the judicial system of the Russian Federation. It cannot be reduced to the ordinary resolution of a legal dispute, to an abstract interpretation of the constitutional text, or to political arbitration between branches of government. In the Russian model, constitutional justice represents an independent form of judicial authority, with a specific subject matter, a special procedure, a limited number of participants, and a specific outcome—the identification of the constitutional and legal meaning of a norm, the verification of its compliance with the Constitution of the Russian Federation, or the resolution of another issue directly within the jurisdiction of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: constitutional justice, judicial authority, judicial system, constitution, legal proceedings, constitutional reform of 2020, Constitutional Court of the Russian Federation.

Конституция России закрепляет исходную процессуальную рамку судебной власти: правосудие осуществляется только судом, а судебная власть реализуется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Тем самым конституционное судопроизводство не является факультативной или вспомогательной процеду-

рой при законодательной и исполнительной власти; оно включено в систему форм судебной власти и одновременно обладает собственным функциональным назначением - обеспечивать верховенство, высшую юридическую силу и прямое действие Конституции на всей территории страны. [1]

В наиболее общем виде конституционное правосудие можно определить как осуществляемую

независимым судом в установленной федеральным конституционным законом процессуальной форме деятельность по разрешению дел о соответствии Конституции нормативных актов, договоров, проектов отдельных законов, вопросов компетенции, а также по официальному толкованию Конституции и решению иных конституционно значимых вопросов. [2] Такое определение подчеркивает три момента. Во-первых, речь идет именно о правосудии, а не о консультативной юридической экспертизе. Во-вторых, это правосудие имеет нормативно-оценочный характер: предметом проверки выступают не фактические обстоятельства частного спора сами по себе, а правовая норма, ее смысл, место в системе права и последствия ее применения. В-третьих, результат конституционного правосудия обладает общеобязательным воздействием, выходящим за пределы индивидуального дела. [3, ст. 1447]

Конституционное правосудие следует отличать от более широкого понятия конституционного контроля. Конституционный контроль может осуществляться различными субъектами: парламентом, главой государства, органами прокуратуры, омбудсменом, судами общей и арбитражной юрисдикции в пределах их полномочий, органами конституционного контроля субъектов Федерации там, где они предусмотрены региональным законодательством. Конституционное правосудие — это только судебная форма такого контроля, осуществляемая в процессуальной процедуре и завершающаяся судебным актом. Поэтому не всякая проверка конституционности является конституционным правосудием, но всякое конституционное правосудие является разновидностью судебного конституционного контроля. [4]

Российская модель относится к числу специализированных моделей конституционного контроля: центральное место в ней занимает Конституционный Суд РФ как высший судебный орган конституционного контроля. После конституционной реформы 2020 г. статья 125 Конституции прямо закрепляет не только компетенцию Суда, но и его цель: защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции. Это важно методологически: Конституционный Суд не является «четвертой инстанцией» по отношению к судам общей юрисдикции и арбитражным судам; он не пересматривает дело по существу фактов, а проверяет конституционность нормативного основания решения либо конституционно допустимый смысл правового регулирования. [5; 6; 7]

В доктрине конституционного права для характеристики данной деятельности используются понятия «судебный конституционный контроль», «конституционное судопроизводство», «конституционное правосудие», «судебный конституционализм». Эти понятия близки, но не тождественны. Конституционное судопроизводство обозначает прежде всего процессуальную форму. Судебный

конституционный контроль указывает на функцию проверки конституционности. [8] Конституционное правосудие соединяет институциональный, процессуальный и ценностный элементы. Судебный конституционализм описывает более широкое явление: влияние Конституции и правовых позиций Конституционного Суда на всю правовую систему, включая законодательство, правоприменение и юридическое мышление. [9; 10]

Именно поэтому важно рассматривать конституционное правосудие не только как совокупность процедур обращения в Конституционный Суд, но и как механизм поддержания конституционной законности. Его назначение состоит в том, чтобы обеспечить согласование текущего законодательства и практики его применения с нормативным ядром Конституции: достоинством личности, верховенством права, разделением властей, федерализмом, равенством, судебной защитой, юридической определенностью и пропорциональностью публичного вмешательства. В этом смысле конституционное правосудие является не узко процессуальным, а системообразующим институтом публичного права. [11]

Конституционный Суд РФ одновременно является судом, органом конституционного контроля и институциональным гарантом Конституции. Его судебная природа проявляется в независимости судей, коллегиальности, процессуальной форме рассмотрения дел, обязательности решений, мотивированности итоговых актов и юридической силе постановлений. Контрольная природа выражается в проверке актов и правовых смыслов на соответствие Конституции РФ. Гарантская природа состоит в том, что Суд обеспечивает не только формальную иерархию нормативных актов, но и содержательное действие конституционных ценностей в отраслевом праве. [12]

Полномочия Конституционного Суда РФ (*далее – Конституционный Суд*) имеют закрытый конституционно-законодательный характер: Суд вправе рассматривать лишь те вопросы, которые прямо отнесены к его компетенции Конституцией и федеральным конституционным законом. По запросам определенных субъектов он разрешает дела о соответствии Конституции федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, палат Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, отдельных актов субъектов РФ, договоров между публичными органами и не вступивших в силу международных договоров. Кроме того, он разрешает споры о компетенции, рассматривает жалобы граждан и запросы судов, дает толкование Конституции, осуществляет предварительный конституционный контроль в установленных случаях и решает вопросы исполнения решений межгосударственных и иностранных судебных либо арбитражных органов, если они затрагивают основы публичного правопорядка Российской Федерации. [3, ст. 1, 3]

Такой перечень полномочий показывает, что

конституционное правосудие не совпадает с защитой субъективного права в обычном судебном процессе. Жалоба гражданина в Конституционный Суд имеет персональный повод, но ее предмет остается нормативным: оспаривается закон или иной нормативный акт, примененный в конкретном деле и предположительно нарушивший конституционные права заявителя. Поэтому Конституционный Суд не устанавливает фактические обстоятельства дела вместо суда, не оценивает доказательства и не заменяет собой апелляцию, кассацию или надзор. Его задача — определить, допускает ли примененная норма такой смысл и такие последствия, которые совместимы с Конституцией РФ.

Особенность конституционного правосудия заключается также в том, что оно соединяет абстрактный и конкретный контроль. Абстрактный контроль не связан с конкретным делом заявителя и инициируется публичными субъектами для проверки нормативного акта как элемента правовой системы. Конкретный контроль возникает при наличии дела, в котором норма была применена или подлежит применению. Но и в конкретном контроле Конституционный Суд решает прежде всего вопрос права. Поэтому его производство не превращается в продолжение индивидуального спора: частный интерес заявителя становится процессуальным каналом выявления дефекта нормативного регулирования либо правоприменительного смысла. [3, ст. 36]

Современное конституционное правосудие демонстрирует тенденцию к рационализации процедуры. Существенное значение получило рассмотрение дел без проведения слушания, когда вопрос может быть разрешен на основе ранее сформулированных правовых позиций либо когда характер дела не требует устного представления позиций сторон. Эта процедура не отменяет судебной природы производства: дело рассматривается в заседании, стороны получают возможность представить письменные позиции, итогом является постановление. Однако она изменяет баланс между устностью и письменностью, повышая значение письменной аргументации и устойчивости правовых позиций. [3, ст. 47.1]

При принятии решения Конституционный Суд оценивает не только буквальный смысл проверяемого акта, но и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, включая решения по конкретному делу и сложившуюся правоприменительную практику. Данное положение имеет ключевое значение для понимания предмета конституционного правосудия. Проверяется не «мертвый» текст нормы, а норма в ее реальном юридическом функционировании. Если закон допускает конституционно-правовое истолкование, Суд может признать его соответствующим Конституции в выявленном смысле; если же дефект носит содержательный и непреодолимый характер, акт или его часть признаются неконституционными. [3, ст. 74]

Принципы конституционного правосудия - это

исходные нормативные начала, определяющие организацию Конституционного Суда, процессуальный порядок рассмотрения дел, статус участников производства, способы аргументации и юридическую силу решений. Они выполняют несколько функций. Регулятивная функция состоит в непосредственном воздействии на процедуру. Гарантийная функция обеспечивает независимость и справедливость конституционного судопроизводства. Интерпретационная функция позволяет разрешать пробелы и коллизии процессуального регулирования. Легитимационная функция объясняет, почему решения Конституционного Суда обладают обязательной силой для всех публичных и частных субъектов. [13]

Федеральный конституционный закон называет основными принципами деятельности Конституционного Суда независимость, коллегиальность, гласность, состязательность и равноправие сторон. При этом системное толкование Конституции и закона позволяет говорить о более широкой системе принципов: законности и верховенства Конституции; независимости; коллегиальности; гласности; устности; языка судопроизводства; непрерывности судебного заседания; состязательности и равноправия сторон; диспозитивности обращения в Суд в пределах установленных полномочий; процессуальной экономии; мотивированности решения; обязательности и окончательности актов Конституционного Суда. [3, ст. 5]

Базовым принципом конституционного правосудия является верховенство Конституции. Он означает, что Конституция выступает не декларативным политико-правовым документом, а непосредственно действующим нормативным критерием оценки актов публичной власти. В конституционном судопроизводстве верховенство Конституции проявляется в трех формах: как критерий проверки норм; как предел усмотрения законодателя, исполнительной власти и суда; как основание для устранения из правовой системы актов и интерпретаций, несовместимых с конституционными ценностями.

Конституционная законность не исчерпывается требованием соответствия подзаконного акта закону или закона процедурным правилам принятия. Она означает соответствие всего публично-правового регулирования Конституции как акту высшей юридической силы. Поэтому Конституционный Суд оценивает нормативный материал в связи с принципами правового государства, равенства, справедливости, соразмерности ограничения прав, правовой определенности и доверия граждан к закону. В этом состоит отличие конституционного правосудия от обычного контроля законности: оно измеряет закон не только законом, а самой Конституцией.

В практическом плане принцип верховенства Конституции требует от всех судов и органов публичной власти учитывать правовые позиции Конституционного Суда. Если суд общей или арбитражной юрисдикции приходит к выводу, что применяемая норма имеет неконституционный

смысл, он не вправе самостоятельно признать ее утратившей силу, но обязан действовать в логике конституционного судопроизводства: применить Конституцию в пределах своей компетенции либо обратиться в Конституционный Суд при наличии соответствующих оснований. Это обеспечивает разграничение компетенции судов и одновременно предотвращает фрагментацию конституционного контроля.

Независимость Конституционного Суда и его судей является не корпоративной привилегией, а условием подлинного конституционного контроля. Федеральный конституционный закон устанавливает, что судьи Конституционного Суда независимы и руководствуются при осуществлении полномочий только Конституцией и федеральным конституционным законом. Они выступают в личном качестве и не представляют государственные органы, политические партии, социальные группы, должностных лиц или территориальные образования. Решения Суда должны выражать правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий. [3, ст. 29]

В конституционном правосудии независимость имеет особую остроту. Предметом рассмотрения нередко становятся акты высших органов государственной власти, вопросы федеративных отношений, пределы законодательного усмотрения, баланс публичного интереса и прав личности. Без реальной независимости конституционный контроль превращается либо в административное согласование, либо в символическую процедуру. Поэтому независимость включает институциональный, персональный, процедурный и финансово-организационный компоненты: статус судей, порядок назначения, гарантии несменяемости и неприкосновенности, запрет вмешательства, самостоятельное организационное обеспечение деятельности Суда.

Коллегиальность означает, что рассмотрение дел и принятие решений осуществляются Конституционным Судом коллегиально; решение принимают только судьи, участвовавшие в рассмотрении дела. В действующем регулировании Конституционный Суд правомочен принимать решения при участии в заседании не менее шести судей. Коллегиальность не является чисто техническим правилом кворума. Она выражает особый характер конституционного правосудия: вопросы конституционности требуют институциональной дискуссии, сопоставления аргументов, оценки последствий решения для правовой системы и публичной власти. [3, ст. 30]

Коллегиальная природа Конституционного Суда позволяет уменьшить риск субъективизации конституционного толкования. В обычном процессе судья применяет закон к фактам; в конституционном процессе суд формулирует юридический смысл Конституции и проверяемой нормы, причем этот смысл приобретает общеобязательное значение. Поэтому качество *deliberative reasoning* - внутреннего судебного обсуждения - становится самостоятельной гарантией правового характера решения. Чем сложнее конституционный спор, тем

выше значение коллегиальности как формы институционального разума.

Гласность в конституционном судопроизводстве означает открытость рассмотрения дел, публичное провозглашение решений и доступ общества к информации о деятельности Конституционного Суда. Закон предусматривает, что рассмотрение дел, назначенных к слушанию, является открытым, закрытые заседания допускаются лишь в предусмотренных случаях, а решения, принятые по итогам открытого и закрытого слушания, провозглашаются публично. Кроме того, на официальном сайте Суда размещаются сведения о поступивших обращениях, перечень обращений, принятых к рассмотрению, и иная информация. [3, ст. 31] Гласность имеет не только информационное, но и конституционно-демократическое значение. Решения Конституционного Суда воздействуют на законодательство, судебную практику и публичное управление, поэтому общество должно иметь возможность видеть аргументацию, понимать мотивы и оценивать пределы судебного вмешательства. Закрытость конституционного правосудия подрывала бы его легитимность, поскольку судебный конституционный контроль неизбежно участвует в распределении публичной власти. Гласность, напротив, превращает конституционную аргументацию в общедоступный юридический язык.

Устность разбирательства традиционно означает, что в заседании Конституционного Суда заслушиваются объяснения сторон, выступления экспертов и свидетелей, оглашаются необходимые документы. Закон прямо закрепляет устный характер разбирательства по делам, назначенным к слушанию. Однако современная процедура Конституционного Суда уже не может быть описана только через классическую устность. Значительная часть аргументации представляется письменно; многие дела разрешаются без проведения слушания; правовые позиции формируются с учетом ранее принятых постановлений и устойчивой практики. [3, ст. 32]

Поэтому более точным является вывод о сочетании устности и письменности. Устность обеспечивает публичную проверку аргументов, непосредственный контакт Суда с участниками, возможность задавать вопросы и уточнять позиции. Письменность обеспечивает глубину юридической аргументации, процессуальную экономию, стабильность ссылок на правовые позиции, возможность рассматривать дела без излишней формализации публичного слушания. Принцип устности не должен пониматься догматически: он подчинен задаче эффективного и справедливого разрешения конституционно-правового вопроса.

Производство в Конституционном Суде ведется на русском языке; участникам, не владеющим русским языком, обеспечивается возможность давать объяснения на другом языке и пользоваться услугами переводчика. В обычном описании этот принцип кажется техническим, однако в конститу-

ционном процессе он имеет гарантийный характер. Конституционное правосудие связано с доступом к судебной защите, а потому язык производства не должен превращаться в барьер для лица, обращающегося за защитой конституционных прав. [3, ст. 33]

Одновременно единый язык конституционного судопроизводства обеспечивает единство официальной конституционно-правовой коммуникации. Решение Конституционного Суда адресовано не только заявителю, но и законодателю, судам, органам исполнительной власти, субъектам Федерации, юридическому сообществу. Следовательно, его текст должен быть включен в единую систему официального правового языка. В этом проявляется двойственная функция принципа языка: он гарантирует доступность участия и обеспечивает нормативную определенность результата.

Непрерывность судебного заседания означает, что заседание по каждому делу происходит непрерывно, за исключением времени, необходимого для отдыха, подготовки участников к дальнейшему разбирательству или устранения препятствий нормальному ходу заседания. Данный принцип направлен на концентрацию судебного внимания и сохранение целостности восприятия дела. Для конституционного правосудия это особенно важно, поскольку предмет рассмотрения часто включает сложную нормативную конструкцию, историю правоприменения, системные последствия и баланс конкурирующих конституционных ценностей. [3, ст. 34] Вместе с тем, непрерывность не следует отождествлять с физической непрерывностью заседания любой ценой. Конституционное дело может требовать дополнительного изучения материалов, анализа статистики, сравнительно-правовых аргументов, практики иных судов и последствий возможного решения. Поэтому принцип непрерывности должен толковаться разумно: он препятствует произвольному дроблению рассмотрения, но не исключает процессуальных пауз, необходимых для качественного судебного решения. [14]

Состязательность и равноправие сторон предполагают, что участники конституционного судопроизводства пользуются равными правами и возможностями по отстаиванию своей позиции. Закон распространяет этот принцип как на заседание с проведением слушания, так и на разрешение дел без слушания. В конституционном процессе состязательность имеет специфику: стороны не спорят о фактах в классическом смысле, а предлагают различные модели понимания нормы, Конституции, пределов публичной власти и правовых последствий решения. [3, ст. 35]

Равноправие сторон означает не механическое совпадение процессуальных возможностей, а реальную возможность быть услышанным. В делах по жалобам граждан заявитель часто противостоит публичной власти, обладающей большими организационными и экспертными ресурсами. Поэтому задача Суда состоит в том, чтобы обеспечить юри-

дическую симметрию аргументации: получить позицию органа, принявшего акт, дать заявителю возможность возразить, исследовать конституционно значимые доводы, не подменяя их политическими или ведомственными интересами.

Мотивированность решения - один из важнейших признаков конституционного правосудия. Постановления и заключения Конституционного Суда излагаются в виде отдельных документов с обязательным указанием мотивов их принятия. Мотивы имеют не вспомогательное, а нормативно-ориентирующее значение: именно в мотивировочной части формулируются правовые позиции, раскрывается конституционный смысл проверяемых норм, объясняется баланс конституционных ценностей и задаются ориентиры для законодателя и судов. [3, ст. 75] Конституционный Суд связан предметом обращения: он принимает постановления и дает заключения только по вопросу, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта или компетенции органа, конституционность которых подвергается сомнению. Однако Суд не связан основаниями и доводами заявителя. Это тонкий, но принципиальный баланс. С одной стороны, Суд не превращается в орган общей ревизии законодательства. С другой стороны, он не ограничен слабостью или неполнотой аргументации заявителя, если поставленный вопрос затрагивает подлинную конституционную проблему. [3, ст. 74]

Решения Конституционного Суда имеют особую юридическую силу. Конституция устанавливает, что акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; акты, признанные конституционными в истолковании, данным Конституционным Судом, не подлежат применению в ином истолковании. Федеральный конституционный закон дополняет эту конструкцию: решения Суда обязательны на всей территории Российской Федерации для органов публичной власти, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений; итоговое решение окончательно, не подлежит обжалованию и действует непосредственно. [3, ст. 125, ч. 6; 15, ст. 6, 79]

Обязательность решений Конституционного Суда не ограничивается резолютивной формулой. В российской правовой системе устойчивое значение имеют правовые позиции, содержащиеся в мотивировке постановлений. Они задают конституционно допустимое понимание норм и становятся ориентиром для последующего правотворчества и правоприменения. Именно поэтому вопрос о соотношении решения и правовой позиции является одним из центральных в теории конституционного правосудия: формально обязательной является судебная воля, выраженная в акте, но ее нормативное содержание раскрывается через аргументацию. [16]

Постановление Конституционного Суда от 8 ноября 2012 г. № 25-П имеет принципиальное значение для понимания юридической силы решений. Суд подтвердил, что его решения обладают

конституционно-правовой природой, действуют непосредственно и не могут быть преодолены повторным принятием того же нормативного содержания. В этом проявляется не конкуренция суда с законодателем, а защита Конституции как предела законодательного усмотрения. [17] Окончателюность решений Конституционного Суда не означает отсутствия развития правовых позиций. Конституционное правосудие действует в изменяющемся обществе, где появляются новые технологии, формы публичного управления, цифровые права, трансграничные элементы, новые социальные риски. Однако изменение правовой позиции должно быть мотивированным, институционально ответственным и совместимым с принципом правовой определенности. Иначе конституционное правосудие само стало бы источником неопределенности, которую оно призвано устранять.

Конституционное правосудие отличается от обычного судебного процесса масштабом последствий. Решение по конкретной жалобе может изменить судьбу заявителя, но одновременно оно способно изменить законодательство, судебную практику и административные процедуры. Поэтому закон предусматривает официальное опубликование постановлений и заключений, а также размещение решений на официальном сайте Конституционного Суда и на Официальном интернет-портале правовой информации в предусмотренных случаях. Публичность последствий обеспечивает включение судебной позиции в правовую систему. [3, ст. 78, 79]

В учебном изложении важно подчеркнуть: Конституционный Суд не создает закон в формальном смысле, но его решения обладают нормативно-регулятивным эффектом. Они устраняют неконституционную норму, закрепляют обязательное истолкование, формируют требования к будущему законодательному регулированию, указывают на необходимость пересмотра дел или изменения правоприменительной практики. Поэтому конституционное правосудие выступает одним из важнейших механизмов конституционализации отраслевого права.

Конституционное правосудие функционирует внутри системы разделения властей и одновременно охраняет ее. Оно ограничивает законодательную и исполнительную власть Конституцией, но само также связано пределами компетенции. Суд не должен подменять политический выбор законодателя там, где Конституция допускает несколько разумных моделей регулирования. Вместе с тем ссылка на политическое усмотрение не может оправдывать нарушение основных прав, произвольное ограничение свободы, разрушение юридической определенности или несоразмерное публичное вмешательство. [18]

Правильное понимание принципа разделения властей применительно к конституционному правосудию состоит не в изоляции ветвей власти, а в их правовом взаимодействии. Законодатель форми-

рует общие правила, исполнительная власть обеспечивает управление, суды применяют право, а Конституционный Суд проверяет, не вышли ли эти правила и практики за пределы Конституции. Поэтому конституционное правосудие — это не «власть над властью», а юридическая форма удержания публичной власти в конституционных границах. [19]

Защита основных прав и свобод человека и гражданина является одной из центральных целей конституционного правосудия. Жалоба в Конституционный Суд имеет особую природу: заявитель обращается не за пересмотром фактов, а за проверкой того, нарушает ли примененная в его деле норма Конституцию. Такая конструкция позволяет соединить индивидуальную и общую защиту. Индивидуальная защита проявляется в возможности пересмотра дела заявителя при признании нормы неконституционной либо при выявлении ее обязательного конституционно-правового смысла. Общая защита состоит в устранении дефекта регулирования для неопределенного круга лиц. [3, ст. 96, 97, 101–103]

В этом аспекте конституционное правосудие является высшей формой судебной защиты от нормативного произвола. Обычный суд защищает лицо в пределах действующего закона; Конституционный Суд проверяет сам закон. Поэтому доступ к конституционному правосудию особенно значим в ситуациях, когда нарушение прав вызвано не ошибкой конкретного судьи или администратора, а самим нормативным основанием правоприменения. Именно здесь проявляется смысл статьи 18 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов. [20]

Современная правовая система усложняется: возрастает значение цифровых технологий, алгоритмического управления, биометрической идентификации, трансграничных данных, платформенной экономики, санкционных режимов, новых моделей публично-частного взаимодействия. Эти явления редко укладываются в традиционные отраслевые категории. Поэтому роль конституционного правосудия будет возрастать: именно оно способно переводить новые социальные конфликты на язык конституционных принципов — достоинства личности, свободы, равенства, неприкосновенности частной жизни, судебной защиты, правовой определенности, федерализма и публичной ответственности. [21]

Однако расширение значения конституционного правосудия требует осторожности. [22] Судебный конституционный контроль не должен превращаться в универсальную политико-правовую экспертизу всех проблем государства. Его сила — в правовой ограниченности. Конституционный Суд решает исключительно вопросы права и не оценивает нормы с точки зрения социально-экономической или политической целесообразности. Именно эта самоограничительная установка позволяет сохранить судебную природу конституционного пра-

восудия и отличить его от политического управления. [3, ст. 3, ч. 3–4]

Таким образом, с учетом изложенного выше можно сделать вывод о том, что принципы конституционного правосудия образуют целостную систему. Закон прямо называет независимость, коллегиальность, гласность, состязательность и равноправие сторон, однако фактическая система принципов шире и включает верховенство Конституции, устность, язык производства, непрерывность, мотивированность, обязательность, окончательность и публичность последствий решений. Будущее конституционного правосудия связано с его способностью сохранять баланс между активной защитой Конституции и судебным самоограничением. Оно должно быть достаточно сильным, чтобы пресекать неконституционное регулирование, и достаточно сдержанным, чтобы не подменять законодательную и исполнительную власть в вопросах политической целесообразности. [23]

Список литературы:

- [1] Грудцына Л. Ю. Судебное право как самостоятельная комплексная отрасль публичного права // Судебная власть. 2026. № 2. С. 21–33.
- [2] Эриашвили Н. Д. Электронное правосудие в Грузии: проблемы теории и практики // Судебная власть. 2026. № 2. С. 41–47.
- [3] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
- [4] Федеральный конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
- [5] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 14-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 704–713.
- [6] Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
- [7] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.
- [8] Кононов Д. А. Цифровизация судебной власти: взаимодействие искусственного интеллекта и человека // Судебная власть. 2026. № 1 (январь–март). С. 60–63.
- [9] Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2018. С. 42–53.
- [10] Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие. М.: Норма, 2012. С. 34–41.
- [11] Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России: доктрина и практика. М.: Норма, 2011. С. 18–27.
- [12] Авакьян С. А. Конституционное право Рос-

сии: учебный курс: в 2 т. 6-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. Т. 2. С. 555–568.

[13] Андрианова М. В. Использование технологий искусственного интеллекта при проведении экспертизы: влияние на уровень эффективности правосудия по гражданским делам и экономическим спорам // Судебная власть. 2026. № 2. С. 57–59.

[14] Булаков О. Н. Конституционно-правовые основы институтов гражданского общества в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // Конституционное право. 2026. № 1 (январь–март). С. 17.

[15] Конституция Российской Федерации. Ст. 125, ч. 6.

[16] Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апр. 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации...» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 8 нояб. 2012 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”...» // СЗ РФ. 2012. № 47. Ст. 6556.

[18] Кононов Д. А. Понятие электронного правосудия в арбитражном и гражданском процессе в условиях цифровизации // Судебная власть. 2026. № 1 (январь–март). С. 29–32.

[19] Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С. 231–239.

[20] Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Методология теории судебного права // Образование и право. 2016. № 8. С. 132–137.

[21] Булаков О. Н. Конституционно-правовые основы институтов гражданского общества в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // Конституционное право. 2026. № 1 (январь–март). С. 14–20.

[22] Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Актуальные вопросы судебного усмотрения как правоприменительного инструмента разрешения споров в России // Образование и право. 2017. № 1. С. 112–123.

[23] Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Судебное право — комплексная отрасль российского права // Образование и право. 2017. № 4. С. 90–100.

References:

- [1] Grudtsyna L. Yu. Judicial law as an independent complex branch of public law // Judicial power. 2026. No. 2. pp. 21–33.
- [2] Eriashvili N. D. Electronic justice in Georgia: problems of theory and practice // Judicial power. 2026. No. 2. pp. 41–47.
- [3] Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 13. Art. 1447.
- [4] Federal Constitutional Law of December 31,

1996 No. 1-FKZ «On the Judicial System of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 1. Art. 1.

[5] Baglai, M. V. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. 14th ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. pp. 704–713.

[6] Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 1998, No. 19-P “On the Case Concerning the Interpretation of Certain Provisions of Articles 125, 126, and 127 of the Constitution of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 25. Art. 3004.

[8] Kononov D. A. Digitalization of the Judiciary: Interaction of Artificial Intelligence and Humans // Judicial Authority. 2026. No. 1 (January–March). Pp. 60–63.

[9] Zorkin V. D. Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice. Moscow: Norma, 2018. Pp. 42–53.

[10] Vitruk N. V. Constitutional Justice. Judicial Constitutional Law and Process: A Textbook. Moscow: Norma, 2012. Pp. 34–41.

[11] Bondar N. S. Judicial Constitutionalism in Russia: Doctrine and Practice. Moscow: Norma, 2011. Pp. 18–27.

[12] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 Volumes. 6th Edition. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. Vol. 2. pp. 555–568.

[13] Andrianova M. V. Use of Artificial Intelligence Technologies in Conducting Expertise: Impact on the Level of Efficiency of Justice in Civil Cases and Economic Disputes // Judicial Power. 2026. No. 2. pp. 57–59.

[14] Bulakov O. N. Constitutional and Legal Foundations of Civil Society Institutions in Russia and China: A Comparative Legal Analysis // Constitutional Law. 2026. No. 1 (January–March). p. 17.

[15] Constitution of the Russian Federation. Art. 125, part 6.

[16] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 21, 2003, No. 6-P «On the case of reviewing the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation...» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 17. Article 1657.

[17] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 8, 2012, No. 25-P «On the case of reviewing the constitutionality of the provision of part one of Article 79 of the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation...» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 47. Article 6556.

[18] Kononov D. A. The concept of electronic justice in arbitration and civil proceedings in the context of digitalization // Judicial power. 2026. No. 1 (January–March). Pp. 29–32.

[19] Kutafin O. E. The Subject of Constitutional Law. Moscow: Yurist, 2001. Pp. 231–239.

[20] Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Yu. Methodology of the Theory of Judicial Law // Education and Law. 2016. No. 8. Pp. 132–137.

[21] Bulakov O. N. Constitutional and Legal Foundations of Civil Society Institutions in Russia and China: A Comparative Legal Analysis // Constitutional Law. 2026. No. 1 (January–March). Pp. 14–20.

[22] Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Yu. Current Issues of Judicial Discretion as a Law Enforcement Instrument for Dispute Resolution in Russia // Education and Law. 2017. No. 1. P. 112–123.

[23] Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Yu. Judicial law — a complex branch of Russian law // Education and Law. 2017. No. 4. P. 90–100.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.